

Художник В.Стеблева

НАНОФАНТАСТИКА

Девятнадцатый

Реми стиснул зубы. Пусть Поль и обошел его на последнем круге, все равно он бухгалтер, а не гонщик. Ну да, несколько лет в одной команде, но что еще скажешь о здоровенном бугае, который предпочтет отстать, только бы не оказаться в общей свалке, а вписываясь в повороты, отмеряет риск как на аптечных весах. И ведь не смерти больше всего боится, а бо-бо. Или того, что счет в банке похудеет. У каждого мотоциклиста на костюме рядом с группой крови — номер совместимой клеточной линии. Случись что — новые легкие, печень, селезенка, выращенные из стволовых клеток, уже ждут хозяина. Страховка высшего разряда обеспечит любую операцию, ну, сколько-то доплатить придется, понятное дело. Фраза «повреждения, несовместимые с жизнью» практически исчезла со страниц новостей. Голову вот только не заменишь... Что бы некоторые ни говорили, гонщику она все-таки нужна. Но и нынешние шлемы куда лучше, чем раньше. Защищают не только мозги, но и шею. Ходишь, правда, как рыцарь в броне...

К финишу вылетели еще четверо, и началась та самая свалка, в которую осторожные не лезут. Двое через пару секунд выровнялись и снова газанули. Еще один мотоцикл горел, его хозяин, хромая, спешил убраться с трассы — вот-вот рванет. Валентин, младший из их команды, выползал из-под своей машины — слишком медленно. Реми дёрнулся к нему и понял — не успевает, даже не заметил, как далеко отошел от трассы. Ближе всего был Поль. Он ринулся к опрокинутому мотоциклу, вытащил Валентина, поднял и, подхватив под мышки, повел прочь. Одна нога у парня, похоже, отказала совсем, на вторую он еще мог

опираться. Поль волок его практически на себе, шаг, другой, третий... Они были уже далеко, когда по глазам Реми ударило огнем, грохнуло так, что слышно было, наверное, и в городе. Поль повалил парня на землю, накрыв собой.

Завывая, подъехала «скорая». Валентина потащили в машину. Поль, с трудом отбившийся от врачей, подошел к Реми, пошатываясь.

— Вызови такси.

Тот посмотрел на его обгоревшую куртку и покрытые пузырями руки:

— Иди эскулапам сдавайся.

— Вызови. — В его голосе было что-то такое, что заставило Реми подчиниться.

Деревянно выпрямившись на заднем сиденье такси, Поль сам вколол себе обезболивающее. В номере Реми помог чертыхающемуся Полю стянуть куртку, рывком сдернул остатки рубашки. Пузыри по всей спине, кое-где кожа просто сгорела... Поль, мыча сквозь зубы, отошел в сторону, как слепой, и сам спустил штаны.

— Осел! В больницу надо. Почки сдохнут! Жив останешься — рубцы будут на всю спину, гонять не сможешь. Пересадка кожи нужна. — Реми орал, чувствуя, что переходит уже на визг, но его как будто не слышали.

— Сюда врача вызовешь, вот телефон. В больнице прикопаются к документам, обвинят в подделке. Нельзя пересадку... Я не пятый, я девятнадцатый.

Поль сказал это тихо и невнятно, но Реми понял. Вся девятнадцатая линия стволовых клеток оказалась заражена каким-то вирусом. У тех, кому сделанные еще до рождения инъекции обеспечивали совместимость именно с ней, шансов на пересадку не оставалось. Фирма извинилась, выплатила приличные деньги, которых пострадавшим хватило на базовую страховку. Для лиц без вредных привычек, на безопасной работе, не занимающихся экстремальными видами спорта.

— Как же ты гоняешь?

— А как раньше все? Я с детства мотоциклы во сне видел. Я же мужик, Реми, я не могу так жить. Бык здоровенный, что мне, в конторе бумажки переключивать? Одно время надеялся что-то исправить, деньги копил. Сам себя уже ненавидел за жадность. Ребятам после трассы проставиться не мог, девчонку в бар пригласить. Бесполезно, только посмеялись, эскулапы... Толерантность к пересаживаемым тканям у взрослых уже не вырабатывается... Как они раньше — на восьмидесятичник, на полюс без страховки этой долбаной?..

Поль был непривычно многословен и говорил все тише и неразборчивее. «Шок, — подумал Реми, — срубится еще до врача — как мне тогда объясняться?»

Эскулап все-таки успел. Велел лежать, сделал еще один обезболивающий укол, обработал ожоги, засыпал спину каким-то латиноамериканским порошком. *Врач*, похоже, работал нелегально, специализируясь на девятнадцатых. Он и спрашивать-то ничего не стал.

Реми вдруг понял, что никогда раньше не задумывался о том, как теперь живут попавшие под раздачу. А если авария? А если работа была такая, что без вредностей никак? Целый подпольный бизнес возник, словно бандитов каких потихоньку лечат. Случись что с Полем, врача даже к суду не потянешь.

Успокаивало лишь то, что доктор — мрачноватый такой парень с вислыми усами — был обстоятелен и серьезен. Поставил капельницу, подключил монитор и еще с добрый час сидел с пострадавшим. Сказал, что почки должны выдержать. Потом коротко кивнул Реми:

— Кто-то должен с ним все время оставаться. Если что, сразу звоните. Завтра буду.

Реми понял, что правдами и неправдами отмотается от утешительного заезда и будет сидеть тут. Две недели, три недели... Не последний сезон живем. В конце концов, он-то мужик или как?

Марина Мартова